

**Сергей
БУРДЫГИН**

МАРШРУТ

Тётя Виолетта —
Жизнь помчало вспять —
Продаёт билеты
На маршруте пять.
Голубое небо,
Серые глаза.
Старенький троллейбус
Едет на вокзал.
И у самой бровки
На маршруте пять,
Там, на остановке,
Ждут её опять
Взгляды, разговоры,
Слухов череда.
Ждут чужие ссоры,
Счастье и беда.
— Тётя Виолетта,
Сильно не кори...
— Едешь без билета,
Так поговори...
Всё свершится в меру
Этим зимним днём...
Муж был инженером,
И она при нём.
Всё исчезло где-то,
Берег жизни крут.
Тётя Виолетта,
Вот и весь маршрут...

УМИРАЮТ ПАРКИ

Прохожу
Под знакомой аркой —
Здесь другого уже не будет.
Словно рядом с проспектом
шумным

Раньше не было ничего.
В городах умирают парки,
Только медленнее, чем люди,
И хоронят себя на месте
Проживания своего.
Вот за этим столом железным
Старики в домино играли
И податливые костяшки
Забивали, как кирпичи.
А в той будке был рай проката,
Мы всегда его
Обожали.
Там родители покупали
Нам педальные «Москвичи».
В городах умирают парки,
Это стало печальной нормой,
А вот там духовой оркестр
Нам искал когда-то мечту.
И в углу стояли пивные,
Где в железнодорожной форме
Машинисты, вернувшись с рейса,
Подносили кружки ко рту.
А вот там стояла эстрада,
Жаль, «кина» там уже
Не будет.
Здесь, наверно, построят маркет
Или что-то вроде того.
В городах умирают парки.
Только медленнее, чем люди.
И хоронят себя на месте
Проживания
Своего.

* * *

На душе беспокожно как-то,
Ведь к зиме не привыкнешь сразу.
На окне задремавший кактус
Тихим кажется дикобразом.
Мы как будто теряем что-то,
Словно с чем-то идём прощаться.
Но мгновения старых фото
Принесут нам немного счастья.
Там друзья в доброте и в силе,
Там сдаваться, конечно, рано.
И страну ещё не убили
Беловежским трезубцем пьяным.
И тепло от вестей в конверте,
Всё, что хочешь, случиться может.
И печали пока без смерти,
Да и радости помоложе.
Там в друзьях у нас Украина,
И «горилка» всего полезней.
И декабрь — это мандарины,
А не холод и не болезни.
Там, по-моему, все добрее,
И немного терпимей были.
Но Канаду мы по хоккею
Убедительно разгромили.
Это стало народным фактом.
В этом вряд ли кто сомневался.
И заснувший беспечно кактус
Только ёжиком нам казался.

НАСТРОЕНИЕ

И вот уже стою я на меже.
И день мой одинок и безрассуден.
Но по ночам ко мне приходят люди,
Которых здесь со мною нет уже.
Конечно, это всё-таки во сне.
И там свои условности иные,
Но здесь мои любимые, родные
Как будто чем-то помогают мне.
Мы там живём, мы пьём на
кухне чай,

Веранду к даче нашей снова
строим.
Смеёмся или ссоримся порою,
Обидевшись на что-то невзначай.
Там свой такой же жизненный
уклад,
Мы там готовим курицу на гриле,
И все мои собаки — те, что были,
Чуть рядом в ожидании сидят...

**Диана
КАН**

СКАЗ О ВОЛГЕ

Вячеславу Лютому

Плывущая вдаль по раздольям,
как пава,
И речь заводящая издалека,
Собой не тончава, зато величава
Кормилица русская — Волга-река.
По чуду рождения ты —
тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздадем ты,
угличанка,
Помолвлена злат-заповедным
кольцом.
Как встарь, по-бурлацки
ворочаешь баржи —
Они и шумят, и копят, и дымят...
Нет-нет да порой замутился от сажки
Твой, матушка, неба
выскающий взгляд.

Устанешь под вечер... Позволила
б только
Водицы испить с дорогого лица.
Красавица-Волга. Заботница-Волга.
Работница-Волга, сказительница...

Покуда студёной водицы вкушаю,
Мне шепчут о чём-то своём
камьши.
Лениво закат за рекой догорает,
И перья хребтовые кажут ерши.

О матушка-Волга, не будь так
сурова!
Устав от речей балаболки-ручья,
Опять срифмовать не сумела
ни слова —
К тебе на поклон заявила я.

Мила твоя речь о былинных
верховьях,
О том, как роднишься с
Москвою-рекой.
И как в астраханских твоих
понизовьях
Цветёт дивный лотос, омытый зарёй.

Прости, не взыщи, не могу
по-иному
Я речь издаля заводить-затевать...
Усну близ тебя, ну а ты мне
сквозь дрёму
Все лучшие песни нашепчешь
опять.

* * *

Судьбы драгоценный подарок —
Усталая Волга... За ней
Мерцает ночная Самара
Как горсть драгоценных камней.
Восторги купальщиков поздних
Доносятся аж до крыльца.
И сочные спелые звёзды,

Как вишни, висят у лица.
Под всхлип одичалой калитки,
Смирная душевную дрожь,
Беспечным младенцем с улыбкой
Печальной дремоты вдохнёшь.
Тот путь, что тобою был пройден,
Стал звёздным путём, говорят...
А взгляд черноглазых смородин
Не есть ли твой истинный взгляд?

* * *

Постой. Повремени немного.
Не выходи из-за стола.
Льняная выюга, как дорога,
Меж нами выюжно пролегла.
Тысячелетнею тоскою
Подёрнулось твоё лицо.
Когда недрогнувшей рукою
Ты положил на стол кольцо.
И, убаюканная выюгой,
Я улыбнулась, как во сне, —
Твоя усталая подруга,
Мечтавшая об этом дне...
...Постой! Повремени немного!
Не остужай тоской лицо.
Льняную выюгу, как дорогу,
Я протяну через кольцо.

КИНО

Пригласите в кино. Я приду
Целоваться в последнем ряду
Под шипенье седой билетёрши.
На экране — большая любовь,
Звон бокалов, дуэльная кровь...
Только в жизни скучнее и проще.

Будет вечер. Пойдём в ресторан.
Будет наш скоротечный роман
Словно приступ внезапный чахотки.
На прощание брошу: «Звони!..»
Но подумаю: «Бог сохрани!
Что-то я захмелела от водки!..»

Пригласите в кино. Я приду
Лузгать семечки в первом ряду
И молчать равнодушно и хмуро.
И, косынку рванув на груди,
На прощание брошу: «Не жди!
И чего я нашла в тебе, дура!»

На экране — большая любовь.
Звон бокалов, дуэльная кровь.
Только нет мне до этого дела.
Приглашайте в кино... Я скажу:
«Извините, в кино не хожу!
Мне такое кино надоело!»

**Наталья
КОЖЕВНИКОВА**

* * *

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Кто любил меня беспечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?
Из чего стихи сложились
В миг, когда вспорхнули птицы?
Из пунцовых горьких ягод,
Слёз, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,

Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?
Но отныне знаю я:
Кто ответит — станет мною,
А не мною, так сестрою —
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли...

* * *

Вот она, горечь разлуки
С красной опавшей листвой!
Тянет ко мне ветви-руки
Клён, что посажен тобой.
Весь в ожиданье ухода,
В оледенелом плену.
В озере синь небосвода
Медленно тонет ко дну.
Свиток свой в сумрачных звёздах
Жизнь размотала уже.
Господи, где же взять роздых
Грешной безмолвной душе?
Ветер во тьме, как награда,
Вдаль улетает, забрав
Всё сумасшествие сада,
Всё одиночество трав...

* * *

Останься для меня живым —
Плывущим облаком, рекой,
Знакомым клёном молодым
И песней с тихой тоской.
Останься для меня живым,
Пока жива, пока одна
Над звёздным берегом крутым
Восходит в сумраке луна.
Останься для меня живым,
Пока во тьме белым-бело,
Пока вытягивает дым
Из дома сонное тепло.
И маятник в звенящий час,

В мире Божьем люди-свечи
свет внутри себя несут.
Будь ты слеп, убог, увечен —
заалет верой трут,
Огоньком коснётся воска,
поджигая в сердце нить,
И тогда всё станет просто —
для других, горя, светить.
У Господнего алькова и с
молитвой на устах
Понял: «Не ищу иного.
Я Максим теперь, монах».

2

Бузулук в трёх вёрстах, рядом...
Но живым не добредёшь.
Без вины наказан адом. Давят
злобно, словно вошь.
Переполненные блюдца — глаз
незрячих родники.
Сам начальник в форме куцей
молвит: «Отче, помоги!
Третий день в огне супруга,
хворь свалила, выручай!»
Ты в ответ: «Исчезнет мука,
выпьет пусть тюремный чай».

На дощатых нарах жёстких
время движется назад.
Дым дешёвой папироски,
конвоира лютый взгляд,
Псов охранных лай до хрипа,
человеческая боль,
Пол в плевках, рыданья, всхлипы
— эков общая юдоль.
Убивали — не убили, дело шили
— распорол.
Грозовые тучи плыли, задевая
частокол.

Добрый схимник веком проклят,
Богом щедро награждён.

Свечка тает, сердце гложнет,
боль смывается дождём.
Врачеватель паствы смирной,
упреждающий беду...
Пахло ладаном и миро тело в
камерном чаду.
— Знать, Святой летит на небо!
Знать, слепой увидит высь!
Распрощавшись с чёрным крепом,
к солнцу ангелы взвились.

ЗОСИМА*

1

В котомке ветхой светится
Псалтырь,
Под посохом смиряется дорога.
Святых пещер хранитель —
монастырь,
Построен паствой к вящей славе
Бога.
Ласкают стень ладони сентября,
Парит орёл вдали крестом
небесным,
И паутинки понесла заря
В скитанья по пределам
бестелесным.
А странников толкнула в путь
беда —
В крови — обида, жить
невыносимо.
Гонимых и болящих — всех
сюда
Призвал великий праведник
Зосима
Молитвами спасать себя и мир,
К добру прийти, сокрытом в
Божьей Вере.

* Праведник земли оренбургской.

Любой паломник, будь богат
иль сир,
Заботой наделён был в равной
мере.

2

Смерть не стучалась — смело в
дом вошла,
Свеча погасла пред святой
иконой.
Детишек пятерых, отца свела
На кладбище в земли сырое лоно.
Хоть в петлю лезь, хоть волком
ночью вой.

Казни себя, кори, теряя силы...
Захарий с поседевшей головой
Покинул дом и близкие могилы.
Былинный встрепенулся

богатырь,
До срока спящий на сырту в
кургане:
— Свято-Никольский будет
монастырь
Построен! Заложу я первый
камень!

Благословил Кронштадский
Иоанн,
Перекрестил во сне святой
Иона...
Теперь — Зосима я, наказ мне дан
Для Господа сложить подножье
трона!

3

По капле наполняется сосуд,
По пруту гнездо большое
вьётся.
Купцы дары на доброе несут,
Колокола в бока целует солнце.
Отстроили и церковь с алтарём,
И братский корпус, пчельник с
добрым садом,

Колодезь, рукотворный водоём.
Монашьям душам — райская
улада.

Молитвы полноводные текли
За край степной во благо всей
России...

... из преисподней аспиды земли
В семнадцатом свои подняли выи
И в хищных лапах стиснули
страну,
За веру во Христа людей карая.
Монахов добрых бросили в
тюрьму,
Почил Зосима, зла хлебнув
сверх края.

4

Повергли в прах обитель... Гнить
на дне
Иль оттолкнуться к воздуху и
свету?
Протянет длань Господь тебе
и мне:
— Спаситесь и спасайте всю
планету!

Как в неустройстве жить без
Бога нам?!
Мы веруем и будем верить в Бога!
Пойдём к Святым пещерам
строить храм —
Котомки есть, и посохов премного.
Спит в каждом русском чудо-
богатырь,
Таящийся в душе — степном
кургане.

Буди его — восстанет монастырь
На берегу Самары в белом камне.
И разнесётся колокольный звон
Во все концы на крыльях
серафима.
Так завещал, ступая на амвон,
Святой народный праведник
Зосима!

КАНДИД*

По степи рысцой не шаткой —
От людской беды к несчастью —
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти.
Впереди бугры увалов
И колки земли целинной,
Мимо важного Урала,
Замаравшись влажной глиной,
Сквозь сугробы, грязь, пылицу,
По жаре, дождю вдогонку...
Ксендз Кандид сухарик ищет,
Запустив ладонь в котомку.
Вот ржаной да с крупной солью
Дразнит карий глаз кобылий.
Так, мечту присыпав болью,
Заменяешь грёзы былёю.

Разодрал сутану веткой —
Ткань висит ошмётком бурым,
Чуть прикрыта шляпой ветхой
Загорелая тонзура.
Милосердия взыскует
Обездоленным и нищим —
Ссылный пан живёт не всуе,
Строит храм на пепелище.
Чёрствый хлеб голодным слаще
Мягких пряников медовых.
Пан Кандид гостинцы тащит —
Короб снеди и обновы,
Пузырьки с микстурой горькой,
Ассигнаций мятых стопку...
К сухарю ржаному с солью
Тянет лошадь губы робко.

От села и до деревни,
От печалей к бедам лютым —
Укрепясь псалмом напевным,
Ксендз спешит на помощь людям.
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти,
Нищелюбец — не загадка,
Жить для ближних — это счастье.
Не удержишь цепью сердце —
Разомкнут замок тревоги,
Для Кандида иноверцев
Не бывает средь убогих.
«Ешь сухарик, и поедем», —
Ободрит кобылу словом.
Сам, как мышь в костёле, беден
Всадник воинства Христова.

**Павел
РЫКОВ**

* * *

Во поле цикорий
Набирает цвет...
Ни беды, ни горя,
Да и смерти нет.

Только травы клонят
Сладкие ветра,
Только топчут кони
В поле клевера.

* Имя ксендза Кандида Зеленко окутано сакральным ореолом мученичества за Христа и бескорыстного служения бедному люду Оренбуржья.

Да талы трепещут,
Чуя дальний гром,
Да стрекозы блещут
В мареве степном.

Да шмели рокочут,
Да кипит родник...
В ожиданье ночи
Всё протяжней дни.

Ты просил смиренья
У судьбы своей.
Вот оно, мгновенье, —
Вечности длинней.

Здесь, ни с кем не споря,
Не крича в ответ,
Во поле цикорий
Набирает цвет.

* * *

Сон не страшит. На то и сон,
чтоб сниться.
И тени не страшны, что обитают
в нём,
Страшнее — день. Он прилетит,
как птица,
Прокаркавши: «Пора бы
пробудиться
И жизнь нести, как цепи, —
день за днём.

* * *

Нам с тобою много и не надо:
Хлеб на соль, да два ковша
воды.
Во степи есть тихая левада.
И родник. И никакой беды.

Никакой сумятицы
никчёмной —
Здесь и листья у осин тихи.
Только слышно, как ликують
пчёлы
И гудут пчелиные стихи.

Лёг в траву, уставши, жаркий
ветер —
Дальний гость с бухарской
стороны...
Есть ли что дороже в целом
свете
Той благословенной тишины?

* * *

Вячеславу Панину

Свой век мы отшагали.
Протопали, прошли.
Свой век отгоревали.
До дыр его прожгли.

Всё было: холя, порка,
Хула, хвала, пинки...
Кадили мы махоркой,
Молились на пеньки.

Но содранною кожей
Мы чуяли с тобой,
Как век наш проморожен
И как он жгуч, порой.

И не переиначить.
Не перетолковать
Всё, что прошло. И значит,
Другому не бывать.

Судьбой неумолимой
Был век отмерян мне
В единственной, любимой,
Заклятой стороне.

**Алексей
ХАЛЬЗУНОВ**

ПРОВИНЦИЯ

Я — провинция,
да жаль — не провидица.
От столицы отдалюсь —
не обидится.
Ей плевать на моё рыло
кондовое,
всё, что было между нами, —
не новое.

Я — провинция —
всему очевидица.
Острограмлюсь,
и во сне мне привидится,
как по телу моему
катят танками,
как стою в очередях
за буханкою.

А вокруг —
лишь господ и патриции!
Им ли дело до меня —
до провинции?
Но когда придёт беда
чёрным облаком,
не столица — я тогда
гряну в Колокол!

Я — провинция,
оборванная, в рубище.
Я — повинная
и в прошлом, и в будущем
за Россию,

что летит в вечность птицею,
за судьбу свою лихую
слыть провинцией.

* * *

А твоих волос нерасчёсанных
спит копна.
Хочешь — косы сплети,
а быть может, стрижку
сделай — «каре».
До безумия просто —
сбежать с моего двора,
до безумия сложно —
судьбу разделить на две.

Сколько тысяч вёрст между
нами?
Неужто всего — полторы?
До печёнок достал этот точный —
бухгалтерский счёт.
Мы, как дети,
сбежавшие с поля лихой игры, —
не забили мяч,
но победу включили в зачёт.

Между телом и делом —
лишь пропасть да бабий крик,
и молитвы мои,
что до Бога дойдут едва...
Я к таким расстояньям, поверь,
ещё не привык.
А волос золотых
на подушке грустит копна...

* * *

*Сергею и Светлане Красновым,
с любовью...*

Беззастенчивость мыслей многих
сводила с ума,
шепотком дрожала и ревела
дубинушкой «Ухнем!»

А мои стихи без спроса
врывались в дома,
занимая места за столами
дружеских кухонь.

Им там наливали водки,
а реже — чай,
разрешали курить — мол, тебя
всё равно не исправить.

И входила в квартиру неслышно
моя печаль,
обличённая в строчки «на вечную
добрую память».

Я сбегу от себя — от друзей
убежать не смогу,
через тысячи вёрст наше
прошлое как на ладони.

Наяву я не видел. А во сне —
на другом берегу —
к водопою прошли оренбургские
рыжие кони.

БАЛЛАДА О НАЧИТАННЫХ МАЛЬЧИКАХ

*Памяти студентов и школьников,
павших в рядах московского
ополчения в декабре 1941 года*

В окнах — солнечные зайчики.
Вижу, словно наяву,
как начитанные мальчики
уходили на войну...

Ни веков, ни дней течения
не прочувствуют собой,
и в московском ополчении
на рассвете примут бой.

Плачут ивы в исступлении,
только, как ни голоси, —
все победы с отступления
начинались на Руси!

В окнах солнечные зайчики
кувыркаются опять.
Но начитанные мальчики
повернули танки вспять.

Детвора играет в мячики.
Их весёлый слышен стук,
где начитанные мальчики
стали каменными вдруг.

**Тамара
ШАБАРЕНИНА**

РЕКВИЕМ

Разбилась песнь, которая
знобит,
Которая мирит дворцы и
горенки.
Разбилась акватория любви —
На Чёрном море не было
соломинки.

Шла с телебашен в хлёт
информволна,
Не спал бел-свет от полночи до
полночи.
Над страшным тралом
горбилась страна,
А интернет окучивали сволочи.

Их не казнить молвою. И не мне
(ещё чего!) строкою тут

одаривать.
Куда ж без них: они и в той
войне
Мигали с чердаков врагу
фонариком.

...Искали части горя корабли:
Вот фюзеляж, вот борт с
иллюминатором.
Не стало акватории любви —
Сошли с ума портовые
локаторы.

С закатных граней, из морских
глубин
Душа в просторы неба взмыла
горлинкой.
А завтра грянет хор — один в
один...
На Чёрном море не было
соломинки.

ЕВРОЦЕННОСТЬ

К баранам подселили
волчье стадо:
«Волков поить, кормить
и холить надо!»

А через год — переворот:
Волков невиданный приплод!

Вожак — мутант — на ухе бант.
Тату на брюхе: «толерант».

В отаре две живучие овечки
Гутарят лишь на волчином наречье.

Мораль? Морали нет печальней...
Овчарня сделалась волчарней.

ДЕЛЁЖ

*«Георгиевская лента — символ
уничтожения наших народов».*
*«Сознательные граждане долж-
ны докладывать в полицию о
человеке или машине с таким
знаком».*

В.Половинко «Новая газета»

Запорошило весь киноэкран:
Гоняют голливудскую рутину.
Глаз положил на степь Заокеан
Как на свою «подружку» Украину.

Клон интернета изуверский сленг:
Потомок выйдет, помолившись
блогу,

Чтоб скомкать свет
георгиевских лент
Как огненную дедову дорогу.

И фарс, и бред: соседей не любить.
Сэм попотел: мы сами не могли бы.
Нас и победой метят разделить.
Но как поделим братские
могилы?

РИТМЫ

Нет солнца в солнце:
упало в море.

Планеты бьются:
простор в просторе.

...Я послушная
рифмам, ритмам —
Южным, яростным,
риоритным.

И тем, подвздошным,
И тем, глубинным:
Неповторимым!
Неподаримым!